

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ДВАДЦАТИ ЛЕТ РАЗВИТИЯ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ*

Этот труд создает наиболее полную научную картину того, каким образом происходило развитие франкофонной традиции социальной психологии за последние два десятилетия. На суд читателей представлены обобщающие результаты исследований ученых из Бельгии, Канады, Франции, Швейцарии. Авторы попытались реконструировать научную ситуацию, в которой зарождались те или иные идеи, проследить динамику этих идей и гипотез и то, как конкретная исследовательская практика повлияла на окончательное оформление социально-психологических научных направлений.

Монография состоит из десяти глав, написанных исследователями, стоявшими у истоков данных направлений, собственно, являющихся их создателями. То есть представлен взгляд как бы изнутри описываемого предметного поля. Авторы принимают во внимание интернациональный характер науки, отсутствие ее границ как единого элемента общемировой культуры, что справедливо, в частности, и для социальной психологии как целостной системы знаний. При этом подчеркивается, что хотя категориальный аппарат социальной психологии универсален, существуют культурологические различия в форме организации и проведения исследований. Не настаивая на том, что франкоязычная социальная психология является либо более хорошей, либо более научной по сравнению с американской, ученые подчеркивают именно отличие французской традиции развития науки в отличие от ее заокеанского варианта. Становление французской социальной психологии как науки, ее институционализация датируется 50-и годами нашего века в связи с публикацией первых исследований собственно по социально-психологическим проблемам. Это были работы, связанные с концепцией социальных представлений и ролью меньшинства, разрабатываемых С. Московичи, а также проблематика межгрупповых отношений, выдвинутая Г. Тажфелом. Развиваясь в русле этих двух основных традиций, французская социальная психология пришла к 80-м гг. к изучению социального познания, ставшего методологической базой для более поздних исследований. Именно проблемам социального познания, анализируемого социальными психологами из франкоговорящих стран в течение последних десятилетий, и посвящена данная книга.

Книга построена в соответствии с концепцией авторов относительно содержания современной франкоязычной социальной психологии, а именно:

- I раздел включает три основные научные традиции, точкой отсчета которых принято считать 60-е годы – процессы социального влияния (глава 1, авторы – Г. Мюни (G. Mugny) и Х.-А. Перез (J.-A. Perez); межгрупповые отношения (глава 2, авторы – Ф. Клеманс (A. Clemence), Ж.-Кл. Дешам (J.-Cl. Deschamps) и Ф. Лорензи-Сиолди (F. Lorenzi-Cioldi)); социальные представления (глава 3, авторы – Кл. Фламан (Cl. Flament), Ж.-Кл. Абрик (J.-Cl. Abric) и В. Дуаз (W. Duiz));

- II раздел посвящен анализу новой проблематики, разрабатываемой в рамках теории социокогнитивных процессов:

представления о человеке (глава 4, автор – Ж.-П. Деконши (J.-P. Desconchy)); взаимосвязь социальных факторов и успехов в обучении (глава 5, автор – Ж.-Л. Монтей (J.-L. Monteil); феномен интернальности (глава 6, автор Н. Дюбуа (N. Dubois)); социализация взрослых (глава 7, автор – С. Гимон (S. Guimond)); теория когнитивного диссонанса (глава 8, авторы – Р.В. Жуль и Ж.-Л. Бовуа); коммуникация (глава 9, автор – Р. Гиглион (R. Ghiglione));

- III раздел охватывает новые направления исследований в области социального познания – изучение стереотипов и суждений (глава 10, авторы – Ж.-Ф. Лейенс (J.-Ph. Leyens), Б. Дарденн (D. Dardenne), Ж. Шадрон (G. Schadron) и В. Изерби (V. Yzerbyt)).

Глава 1-я посвящена исследованиям в области социального влияния в группе, традиционно связанного с влиянием меньшинства, имеющего отличные от принятых в группе ценности, нормы, либо точку зрения. По мнению авторов, основным механизмом социального влияния является конфликт, возникающий при столкновении различных позиций. Выделено два типа влияния: явное, последствия которого отражаются в изменении позиции объекта влияния, в осознании этого изменения, и латентное. На характер социального влияния в группе воздействуют такие характеристики, как предшествующий опыт участников взаимодействия, статус, престиж, значимость обсуждаемой проблемы или решаемой задачи. Исследователи выделяют четыре типа ситуаций группового взаимодействия, в которых по-разному разворачивается конфликт идентичности.

1. Объективные задачи, имеющие единственное правильное решение, например, задачи по сравнению длины отрезков или цветов фигуры. Для ситуаций их решения характерно наличие уверенности испытуемого в правильном ответе. Сила влияния в группе зависит от количества субъектов – носителей иного по сравнению с испытуемым мнения.

2. Задачи, оценивающие способность индивида к определенному роду умозаключений, построенные, например, по принципу тестов на интеллект; сложные математические задачи, либо задачи с неполным описанием ситуации решения.

3. Задачи, в которых выявляются мнения, оценки, установки. Например, по вопросам отношения к иностранцам, аборт, табакокурению. Испытуемый знает о наличии нескольких точек зрения, имеющих право на существование. Выявляется, мнение какой социальной группы разделяет субъект, и как меняется его социальная идентичность под влиянием большинства или меньшинства в экспериментальной группе.

4. Задачи, нацеленные на изучение суждений, индивидуальных предпочтений субъекта. Например, ситуации группового принятия решения по заданной проблеме.

Для каждого типа ситуаций дается описание механизма разрешения и стратегий поведения испытуемых по выходу из возникающего конфликта.

В главе 2 – “Межгрупповое давление” – представлена программа исследований проблематики межгрупповой дифференциации и межгруппового единства, одним из основных постулатов которой является необходимость учета факторов, описывающих социальную структуру взаимодействия и, в первую очередь, места, занимаемого группой в этой социальной структуре. Авторы анализируют формирование со-

*Рец. на кн.: 20 лет франкоязычной экспериментальной социальной психологии (20 ans de psychologie sociale experimentale francophone). // Ж.-Л. Бовуа (J.-L. Beauvois), Р.-В. Жуль (R.-V. Joule), Ж.-М. Монтей (J.-M. Monteil). Гренобль, Presses Universitaires de Grenoble (PUG). 1998.

циальной идентичности, исходя из социального статуса своей и чужой группы, подчеркивая при этом, что принадлежность к группе с высоким статусом по иному отражается на субъективной оценке членства в ней по сравнению с тем, как это происходит в менее престижных группах.

На основании того, каким образом группа может влиять на процессы дифференциации и единения ее членов, исследователи выделяют доминантные группы и находящиеся под давлением других групп. Для доминантных характерно сохранение индивидуальности входящих в нее членов, тогда как членство в группе более низкого статуса сопряжено с относительным нивелированием психологических отличий входящих в нее. Приводятся результаты ряда исследований, посвященных анализу особенностей протекания идентификационных процессов в выделенных двух типах групп.

Глава 3 — “Экспериментальный подход к изучению социальных представлений” — отражает результаты исследований, цель которых состояла в попытке изменения социальных представлений в условиях лабораторного эксперимента. Авторы описывают три направления организации эксперимента.

- ♦ Анализ взаимодействия социальных представлений и поведения испытуемых в ходе разнообразных экспериментальных игр, построенных по типу, например, “дилеммы узники”. Выяснено, что тип взаимодействия (кооперация или конкуренция) в конфликтной ситуации определяется представлениями испытуемого о себе, партнере и о цели взаимодействия.

- ♦ Изучение представлений об идеальной группе.

- ♦ Исследование структуры центрального ядра представлений.

В главе 4 отражена теория построения психического образа человека, развиваемая Ж.-П. Деконши. Представлены результаты многочисленных исследований автора в области построения имплицитных теорий человека. Выдвинута гипотеза о наличии когнитивных фильтров, “встроенных” в процесс переработки информации, следствием действия которых является формирование у индивида определенных убеждений, верований, объяснений.

В главе 5 — “Социальный контекст и школьная успеваемость” — проводится идея о существовании взаимосвязи между социальным контекстом обучения и успехами ученика. Выделены факторы, лежащие в основе оценочной системы успеваемости, например, такие, как представление ученика о себе (позитивное или негативное), прошлый опыт, наглядность успехов, ожидания и т.д. Представленная модель позволяет учителю более дифференцированно подходить к оценке школьной успеваемости, учитывая влияние указанных факторов на индивидуальные показатели каждого ученика.

Глава 6 посвящена анализу феномена интернальности, понимаемого автором как общая тенденция приписывания по большей части личностных причин проведения по сравнению с ситуационными. При подобной трактовке интернальность не является одной из разновидностей локуса контроля (хотя именно его изучение натолкнуло автора на указанное явление), а выступает самостоятельной психологической характеристикой. В данном разделе представлен всесторонний анализ результатов многочисленных исследований проблемы интернальности, осуществленных французскими учеными. Н. Дюбуа прослеживает связь интернальности с явлениями самопрезентации, идентификации, межгрупповых отношений.

В 7-й главе — “Процесс социализации и высшее образование” — дискутируется вопрос о взаимосвязи содержания получаемого высшего образования и формирующейся у субъекта системы убеждений, оценок, предпочтений, поведения. Постулируется, что высшие учебные заведения, в частности, университеты, призваны не только передавать студентам определенную сумму знаний, но и формировать их общую лич-

ностную ориентацию в более широкой социально-экономической системе. Приводятся результаты исследования трактовки причин бедности и безработицы студентов, специализирующихся в области социальных наук, по сравнению с теми, кто обучается коммерции. Выяснилось, что респонденты с данным типом специализации наиболее часто объясняют эти социальные явления ситуационными причинами, нежели причинами личностного порядка. Выявлено, что специалисты в области социальных наук проявляют большую терпимость к инакомыслию в области межгрупповых отношений.

Глава 8 отражает результаты исследований феномена когнитивного диссонанса. Ее авторы продолжают разработку идей Л. Фестингера, предлагая собственную трактовку некоторых постулатов. В частности, в качестве одного из возможных путей уменьшения когнитивного диссонанса вводится понятие “рационализация в действии”, понимаемое как изменение поведенческих элементов когнитивной структуры по сравнению с изменением исходных установок. Дается описание ситуаций сильного давления на респондентов с целью навязывания им мнения авторитетного лица. Анализируется, каким образом вынужденное подчинение значимому другому влечет за собой уменьшение возникающего диссонанса в когнитивной структуре испытуемого. Выявлено, что основным условием проявления мотивирующего действия диссонанса для перестройки когнитивной структуры является возможность самостоятельного решения респондентом вопроса об участии в эксперименте. Иными словами, согласие испытуемого на то, чтобы быть включенным в ситуацию диссонанса, влечет за собой возможность большей рационализации когниций по сравнению с респондентами, лишенными возможности свободного выбора.

В главе 9 раскрывается авторская концепция проблемы коммуникации. Представлена модель коммуникативного поведения как определенного рода соглашения между участвующими в общении сторонами, характеристиками которого являются цели коммуникации, принципы и правила, обеспечивающие обмен информацией между говорящими, стратегии взаимного влияния сторон. В главе описываются результаты исследований по каждому структурному элементу выделенной модели. Поднимаются вопросы о роли интервьюера и его воздействия на интервьюируемого, вербальных и невербальных коммуникативных средствах, методах сбора исследователем информации и интерпретации получаемых данных. Подробно обсуждается содержательная сторона общения, проблема восприятия партнерами по общению друг друга до начала и в процессе передачи сообщения. Намечены перспективы дальнейшего анализа коммуникации.

Завершающая 10-я глава описывает новый подход к анализу процесса социального познания на примере изучения суждений. Выяснилось, что когда люди высказывают свои суждения относительно другого лица, то они ориентируются на определенные социальные правила построения оценок. Например, нельзя судить о характере человека, зная только его социальный статус. Помимо доступной информации, при формировании суждений используется и скрытая, так называемая мета-информация, проявляющаяся, в частности, в структуре сообщения, позиции оценивающего субъекта, количестве получаемой информации.

Авторы выдвинули собственную программу изучения критериев адекватности суждения. Первый уровень связан с особенностями социальной перцепции окружающей реальности, существующими в обществе стереотипами. Помимо традиционной “объективной” реальности указывается на наличие уровня личностной и социальной целостности. Этот критерий понимается как тенденция избегать информацию, которая могла бы поставить под сомнение социальную идентичность индивида. То есть человек выбирает информацию, которая могла бы служить в качестве аргумента для подтверждения собственного мнения.

Третий критерий адекватности суждения заключается в том, что люди строят свои суждения в соответствии с правилами культуры, в которой они живут. Четвертый уровень формирования суждений о другом – это, по образному выражению авторов, вершина айсберга теоретических представлений о другом. Суждение понимается как гештальт, хорошая форма, в которую облекается определенным образом структурированная информация.

С точки зрения авторов, выдвинутая трактовка множественности уровней формирования суждений позволит преодо-

леть исследовательскую проблему, связанную с относительной изменчивостью суждений о другом.

Данная книга предназначена как для студентов и специалистов-профессионалов, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами социальной психологии.

Е.А. Володарская,
канд. психол. наук,

Институт истории естествознания и техники РАН,
Москва

СИНТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВА*

Книга датского психолога Бьорна Функа "Психология восприятия искусства" представляет собой попытку обобщить и вместе с тем соединить разные имеющиеся на сегодняшний день подходы к проблеме восприятия изобразительного искусства. Автор рассматривает основные существующие подходы к психологическому изучению восприятия живописи с позиций экзистенциально-феноменологического подхода. Работа включает и результаты собственного исследования автора, которое он проводил в течение нескольких лет на базе психологической лаборатории Копенгагенского университета, используя данные библиотек, музеев искусств и галерей разных стран мира. Изложение эмпирических данных автора в книге довольно размыто, доминирует же обзорно-теоретический материал. Основной пафос автора состоит в том, чтобы показать, что восприятие изобразительного искусства может протекать по качественно разным закономерностям, и эти различия соотносятся не только с индивидуальными особенностями и уровнями развития субъекта, но и с разными теоретическими объяснительными схемами.

Тематика работы актуальна как для специалистов в области искусства и культуры – искусствоведов, преподавателей художественных учебных заведений, педагогов, занимающихся эстетическим воспитанием, критиков в области живописи, художников, гидов на выставках и т.д., – так и для психологов, изучающих проблему специфики взаимодействия зрителя и произведения искусства, особенности художественного восприятия. Образный стиль изложения, полнота и ясность мысли, точный контекст используемых специфических терминов и понятий дают возможность понять смысл и содержание работы даже неспециалисту, интересующемуся данной проблематикой. Восприятие материала еще более облегчает четкая структура изложения и цветные репродукции живописных произведений.

В названии своей работы и далее в тексте Функ использует английское слово *appreciation*, которое, как нам представляется, можно адекватно перевести на русский язык словом *восприятие*, имея в виду не специфически психологический термин, означающий только перцептивные процессы, а скорее бытовое значение этого слова. Под "восприятием" подразумевается процесс, включающий различные составляющие: перцептивные, когнитивные, эмоциональные, оценочные, духовные и др., присутствующие во время взаимодействия личности и произведения искусства.

Автор пытается дать качественный анализ теоретического и эмпирического материала по изучению восприятия произведений визуального искусства в различных психологических школах с позиций экзистенциально-феноменологического подхода в психологии, которого сам придерживается в своем эмпирическом исследовании. Он рассматривает

четыре основных психологических подхода к изучению восприятия визуального искусства (психофизический, когнитивный, психоаналитический и экзистенциальный), круг проблем каждого метода и специфическую их феноменологию. В результате он выделяет пять предметных направлений в изучении психологии восприятия искусства, соответствующих таким аспектам этого процесса, как эстетическое удовольствие, понимание, эмоциональное восприятие, эстетическая фасцинация и эстетическое переживание. Функ приходит к выводу, что рассматриваемые направления не только имеют дело с разными предметами психологического исследования, концентрируя внимание на различных аспектах восприятия искусства, но и представляют собой различные типы художественного восприятия, которые могут характеризовать индивидуальное "прочтение" живописных произведений. Более того, он считает, что, используя феноменологическое описание особенностей восприятия искусства как основу для изучения, в дальнейших исследованиях можно будет выделить новые его типы. Таким образом, этот подход дает возможность интегрировать все предыдущие и последующие исследовательские школы в единую систему.

Психофизический подход, которому посвящена первая часть работы, в основном рассматривает восприятие формальной красоты и возникающее в его процессе чувство *эстетического удовольствия*. Предполагается, что существуют формальные признаки, присущие произведению искусства (например, определенное сочетание линий или цветовые особенности), которые независимо от взаимодействия со зрителем воплощают собой гармонию, а следовательно, его красоту. Для зрителя, обладающего таким личностным качеством, как эстетическая чувствительность, данное произведение искусства будет восприниматься красивым и вызывать чувство эстетического удовольствия. Задача психологов в данном случае – открыть законы "золотого сечения" для зрительного восприятия, т.е. определить те физические параметры стимулов, которые вызывают у человека эстетическую реакцию.

Начало этому подходу положил Г.Т. Фехнер, который еще в 1865 г. применил экспериментальные принципы психофизики к эстетике. Признаки формальной красоты определялись в основном по принципу эстетического предпочтения. Что же касается эстетической чувствительности, то вопрос о факторах, влияющих на ее развитие, решается по-разному (например, ими могут быть интеллект, эстетическое воспитание в детском возрасте и т.д.). Психологами, исследования которых в какой-то мере основываются сейчас на этом подходе, автор считает Д. Берлайна (D. Berlyne), И. Чайлда (I.I. Child), М. Гейгера (M. Geiger) и П. Махотку (P. Machotka).

Психофизиологический подход развивается в рамках психофизического, но при этом предполагается, что эстетическое удовольствие связано с биологическими процессами возбуждения в ЦНС, возникающими в процессе когнитивной активности при восприятии картины. Автор книги излагает психо-

* Рец. на кн.: B.S. Funch. The Psychology of Art Appreciation. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, University of Copenhagen. 1997. V. XII. 312 p.